
И. И. Панаев

Заметки Нового Поэта о русской журналистике. Июнь 1851 Отрывок

При отъезде моем из Петербурга меня провожали более или менее знаменитые литераторы, и в том числе критик, разбиравший в «Современнике» драматический этюд г. Островского, помещенный в «Комете», — этот критик, не возвысившийся еще, к сожалению, до понимания художественности и искренности. За полчаса до минуты расставанья, до рокового звука кондукторской трубы, я отвел в сторону критика «Драматического этюда», крепко пожал ему руку, посмотрел на него значительно и сказал:

— Вы знаете, как глубоко и искренно я вас уважаю. Вы человек с талантом и со вкусом; но ваши взгляды на искусство устарели. Вам бы следовало усвоить себе новейшую теорию *художественности* и *искренности*, а для этого я советовал бы вам читать, перечитывать и изучать библиографические статейки «Москвитянина», под которыми подписываются буквы Г., Е., О. и У. Под этими таинственными буквами скрываются все замечательные мыслители, пролагающие совершенно новую тропу в мире искусства. Я скажу более: вам недурно было бы самому съездить в Москву для того, чтобы короче познакомиться с этими теориями, глубже проникнуться ими. Тогда бы взгляд ваш просветлел, кругозор расширился, вы уразумели бы, во-первых, художественное значение «*Неожиданного случая*» и моих «*Расстегаев*», а во-вторых, увидели бы неизмеримую пропасть, разделяющую беллетристические произведения от художественных.

Здесь надобно заметить, что за неделю до моего отъезда я прочел мои «*Расстегаи*» еще в рукописи критику «Современника», который отозвался о них почти так же неблагоприятно, как и о «*Неожиданном случае*».

Не просветленный новыми художественными теориями, критик иронически улыбался, слушая меня, как будто сожалея о моем заблуждении и воображая, что он находится в истине.

— Объясните мне одно, — сказал он, — что доказывают ваши *Лиловый* и *Плюсовый*? к чему выводить такие пошлые лица? Выражает ли в ваших «*Расстегаях*» это пошлое какую-нибудь идею? И не вправе ли сказать читатели:

С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышат?

— Как, вы не видите идеи в «*Расстегаях*?!» — воскликнул я, разгорячась. — Право, мне искренно жаль вас... Слушайте же, я расскажу вам, как зародились «*Расстегаи*» в голове моей и какое они имеют значение. Между множеством смешного в жизни мне попадались, конечно, на глаза и те странные отношения, которые нередко связывают людей между собою, заставляя их принимать друг в друге какое-то детское, неразумное участие, выражающееся обыкновенно в том, что один считает

себя обиженным, если другой не расскажет ему тотчас же хоть бы ничтожнейшее обстоятельство в своей жизни! Иногда их даже тяготят подобные обязательства, но они добродушно выполняют их во имя связывающей их дружбы. Мне неоднократно случалось видеть, как из двух людей, связанных дружбою, на долю одного выпадает быть благоразумным и подавать другому полезные советы, предостерегать его от ошибок и промахов. Разве только какой-нибудь случай в лице «*Расстегаев*» сокрушит все благоразумие *советующего* друга и тем покажет всю несостоятельность его, и то, впрочем, для других, а не для двух друзей... Не подумайте, чтобы все подобное могло происходить только между такими людьми, как мои *Лиловый* и *Пюсовый*. Есть люди и серьезные и умные, между которыми вы встретите подобные отношения, разумеется, замаскированные их умом, *начитанностью*, образованием... Вообще, много смешного и странного проскакивает иногда в отношениях и характерах людей, достойных даже уважения — и все это осужден... я скажу более: обязан видеть *художник*, все это мне (то есть художнику) хочется дать видеть другим; но, разумеется, *подобное* я не иначе могу выставлять на всеобщий суд, как в таких характерах, каковы *Лиловый* и *Пюсовый*.

Не просветленный новыми художественными теориями критик смотрел на меня все с прежнею улыбкою и с каким-то странным недоумением, как будто не зная, как принимать слова мои — за мистификацию или за младенческий лепет раздраженного самолюбия.

Я продолжал.

— Довольно привести в столкновение два таких характера, как *Лиловый* и *Пюсовый*, которым приличны будут те душевные движения и те отношения, изображение которых в смешном виде есть главная задача моя; довольно самой слабой завязки, чтобы достигнуть цели. *Лиловый* и *Пюсовый* и то, что между ними происходит, дали мне возможность выставить в них много черт и движений, часто встречающихся в жизни, и выставить верно. Разумеется, надо много присматриваться к людям, много жить *жизнью*, чтобы оценить психологическую верность этих черт и движений, увидеть в них давно знакомое, — и в таком случае они доставят высочайшее, *искреннейшее, художественнейшее* наслаждение. Оттого такого рода драматические *этюды* могут быть вполне понятны только для *немногих*, и нам остается сожалеть, что эти немногие нашлись не между *нашими* критиками...

Я еще много и долго хотел говорить о себе и о моих художественных произведениях, но в эту минуту раздался звук кондукторской трубы... О, вот все друзья мои, более или менее литературные знаменитости, несколько компрометирующие меня своими излишними восторгами, потянулись ко мне для прощанья. Эти господа составляют мой кружок, настоящие имена их в литературе неизвестны, но они обыкновенно подписывают под статьями своими различные буквы: И., Т., Ф., Ы. и проч., сам я — центр этого кружка. М., Т., Ф., Ы. добросовестно занимаются прославлением моего имени и моих поэтических этюдов (я называю так сочинения мои из скромности) и состоят у меня на посылках, и один из них, именно Ы., намерен посвятить всю жизнь свою только изучению моих сочинений. В этом кружке я просто блаженствую, потому что, нельзя не сознаться, необыкновенно приятно слушать себе изустные и читать печатные похвалы с утра до ночи. Лесть и похвала даже в самой грубой форме очень приятно действуют на самолюбие — это неоспоримо; и потому расставаться мне с моим кружком было грустно. Я каждого из моих литературных друзей обнимал, целовал и прижимал к моему сердцу, бьющемуся самою горячею любовью к русской литературе. В числе других я обнял и моего врага (врагами я называю людей, не восхищающихся безусловно моими произведениями), этого не просветленного новыми художественными теориями критика, и сказал ему:

— Послушайте же моего доброго совета. Приезжайте в Москву для изучения *художественности и искренности*. Без этого вы постоянно будете пребывать во мраке и никогда не достигнете до понимания тех высоких и светлых созданий, которые творим *мы!*

Затем карета двинулась, шляпы замахали в воздухе, я выглянул из окна, послал последнее прости моим поклонникам и погрузился в наслаждение самим собою и в думу о том, какое глубокое художественное значение имеют мои произведения. В голове моей зашевелилось было даже новое художественное произведение, но оно так и осталось в зачатии, потому что я предпочел остаться в *far niente*¹ самонаслаждения. Так я проехал целые сутки, подремывая и восхищаясь самим собою. Спутник мой был человек приятный и умный, потому что, узнав, кто я, он обнаружил ко мне большое уважение, начал к каждому слову прибавлять *изволите* и, предлагая мне апельсин, почтительно и робко заметил: — Не угодно ли вам будет скушать? Это настоящий *королек-с*.

И посмотрел на меня сладкими глазками.

На полдороге, съев этот королек, я почувствовал вдруг вдохновение и наизумовизировал следующее стихотворение:

Весеннее чувство

Не сказка то. Нет, в памяти глубоко
На дне ее та былъ затаена:
В глуши, в степи, в Саратове... далеко
Была весна, прекрасная весна...
И пахло в воздухе рябиной и сиренью,
И отзывалось все любовью и ленью.

Мир праздновал роскошно обновленье,
И степь была цветами убрана;
Но краше *всех* цветов — *он и она*,
На лицах их — блаженство умиленья;
Она лишь им, *он* ей одной пленен,
И расцвели душой *она и он!*

Она и он! Он и она!.. с отрадой
Обнявшись гуляют по лугам
И рвут цветы — и хорошо им там —
И гроздии над ними винограда!
Она и он! Полны они собой
И этою гордятся *полнотою!*

Но дни идут. Весна уже проходит,
И не наступит вновь *для них* весна!
Он с ней, увы! восторгов не находит,
Уже давно скучает с ним *она!*
Кто виноват? Никто. Тот и другой
Сердечною страдают пустотой.

А с розою по-прежнему лепечет
Нарцисс, и соловой свистит;
По-прежнему, расширив крылья, кречет
Свою добычу жадно сторожит;
По-прежнему вода шумит и плещет,
А над водою рыболов трепещет!

¹ Безделье (итал.).

И так как я люблю обыкновенно отмечать, где и когда создал я что-нибудь, то и подписал под этим стихотворением: *импровизировано в Выдропуске 31 мая 1851 г.*

По приезде в Москву несколько дней не заглядывал я ни в какую книгу; даже толстейшая книжка «Москвитянина», который некогда так остроумно подсмеивался над толстотою петербургских журналов, лежала на столе моем неразрезанная, несмотря на то, что на обертке я не без удовольствия увидел имя моего литературного фаворита-фельетониста, состоящего при *молодой* редакции, *Эраста Благодирова*.

<...>

В 9 № «Москвитянина» напечатано стихотворение «*Весенний гимн*», содержание которого и даже некоторые стихи совершенно походят на мое «*Весеннее чувство*», приведенное выше и импровизированное мною в Выдропуске. Этого мало: в 11 № того же журнала объясняется значение «*Неожиданного случая*» г. Островского почти теми же словами, какими я объяснял критику «Современника», в минуту моего отъезда из Петербурга, значение моих «*Расстегаев*»!

Это сначала поразило меня; но потом, после долгого размышления, я удостоверился, что точно иногда *les beaux esprits se rencontrent*², особенно если они согласны в теориях и воззрениях на искусство. Этот факт даже порадовал меня. После этого уже нет сомнения, что я вполне постиг теорию *художественности и искренности*.

В четырех последних книжках «Москвитянина» (9, 10, 11 и 12), к которому, может быть, вы заметили это, я питаю некоторую слабость, встречается много любопытного.

В 11 №, при разборе «Кометы», старая редакция, по своему обыкновению, в выносках к статьям молодой редакции, удостоивает похвалы г. Тургенева и г-жу Евгению Тур. В г. Тургенева она находит дарование, а от повести г-жи Тур «*Антонина*» приходит даже в *волнение* и чувствует *напряжение в умственных способностях* (№ 11, «Москвитянин», стр. 326). Это отзыв искренний — прибавляет старая редакция — *без видов*, и этот искренний отзыв она сочла не лишним высказать, ибо журналисты (разумеется, петербургские) смотрят *прежде всего на имя, а не на сочинение*: принадлежит ли оно сотруднику, или чужому, может ли автор со временем участвовать в издании (в чьем?), или нет и т. п.

Если вы, господа петербургские журналисты, в самом деле обсуживаете произведения только с такой точки зрения, то это, я не могу скрыть от вас, очень нехорошо; но с какой же точки зрения смотрит редакция «Москвитянина», обвиняющая вас в пристрастии, на сочинения, например, г-жи Павловой? Это очень любопытно.

Вот что говорит эта беспристрастная редакция (разбирающая произведения *без всяких видов*) о г-же Павловой, по поводу ее «*Рассказа Лизы*», напечатанного в «Рауте», — этого рассказа, так хорошо знакомого читателям «Современника».

Здесь (в «Рауте») первое место принадлежит, *без сомнения, художнице и мастерице русского стиха — К. К. Павловой*. Сила, гибкость, живость, музыкальность — и то, что называется поэзией стиха — всем этим она обладает в высочайшей степени. Не говорю уже о рифме, которая затрудняет только плохих стихотворцев и которая у ней в такой власти, что она, кажется, нарочно играет трудностями, чтобы показать, как они легки для ее таланта. Стихотворный язык, — это можно сказать, ее язык *природный*; это — инструмент, который у нее совершенно во власти; рука ее так привыкла к струнам этого инструмента, что не только ей невозможно издать фальшивого звука, но невозможно не прозвучать гармонии. Полнозвучие составляет такое неотъемлемое свойство ее дарования, что в этом почти нет никакой ее заслуги, между тем как это была бы величайшая заслуга для другого? Но чтобы достичь до этого полнозвучия, конечно, не довольно было одного природного дара; конечно, она изучала и строго изучала инструмент, на котором играет: да будет же это уроком для тех, которые, полагая в себе некоторый талант, довольствуются своим стихом потому только, что он гладок и не совсем

² Прекрасные умы сходятся (франц.).

жесток! Этого мало; изучайте стих, различайте звуки, не прощайте себе мелочей, и вы достигнете если не до стиха Павловой, то, по крайней мере, до того совершенства, которое возможно *вашему* таланту...

«*Рассказ Лизы*» написан пятистопным хореем, которым у нас (кроме меня, Нового Поэта, и г-жи Павловой) почти никто еще не писал; но у немцев этот размер введен давно уже: им писаны «*Die Götter Griechenlandes*»³ Шиллера. — Разнообразие метров, которые употребляет г-жа Павлова, есть истинное обогащение стихотворного языка нашего: *только она и Жуковский перебирали все лады богатой нашей просодии; сам Пушкин довольствовался* больше всего четырехстопным ямбом; исключения очень редки.

Мы говорили здесь только о стихе г-жи Павловой. *Но говоришь ли о ее тонкой наблюдательности характеров; о неуловимых, но верных чертах, которыми изображает она и светское общество, и женское сердце* (в Лизе?), и характер мужчины (где?); о живописности подробностей, о верности не только описываемого быта, но *иногда одного взгляда, жеста*: все это входит в ее талант, *полный и совершенный, словом, в ее художественную поэзию* («Москвитянин», №№ 9 и 10, стр. 158. Библиография.)

Художница! Мастерница стиха! У нее и *гибкость*, и живость, и *музыкальность* (не в «*Рассказе ли Лизы*»? см. «Библиографию» V книжки «Современника»). Стихотворный язык — инструмент, который у нее совершенно во власти. Ей невозможно издать звука, не произведя гармонии. Она тонкая наблюдательница характеров и тонких черт; она перебрала все лады нашей поэзии, а бедный Пушкин довольствовался только четырехстопным ямбом. Талант ее полный, совершенный, а поэзия — *художественная!*

Что это такое? Искренняя похвала без *всяких видов* или тонкая, неуловимая ирония? Что же после этого сказать о стихах Байрона, Гете, Шиллера, не говорю уже о Пушкине? Я не отрицаю в г-же Павловой таланта писать *иногда* довольно громкими стихами, действующими по преимуществу на органы слуха, я сам иногда завидую ее способности подбирать неожиданные и смелые рифмы; но не в громком стихе, не в рифмах и не в разнообразии метров и перебирании всех ладов просодии заключается поэзия. Можно писать одним четырехстопным ямбом и быть великим поэтом, и можно перепробовать все метры, перебрать все лады просодии, не имея искры поэзии!

Неужели не шутя и *без всяких видов* рецензент «Москвитянина» полагает, что г-же Павловой

...и стих, и смелое созвучье
В ущерб другим даны?
Что нет ее созданий в мире лучше?
Что в дар принесены
Ей блага все от самой колыбели?.. и проч.

Нет, я убежден, что если бы петербургские журналы имели даже и какие-нибудь *виды* на г-жу Павлову, они и тогда бы не позволили отозваться о ней с такою неумеренною похвалою.

А отзыв о сотруднике «Москвитянина» г. Ф. Глинке, в стихах которого рецензент этого журнала находить *живопись, свежесть* и прибавляет, что *всем (?) известна сила его музыки!* И этот отзыв также беспристрастен? И рецензент «Москвитянина» не имел, говоря это, в соображении, что г-н Ф. Глинка — *сотрудник* этого журнала?

*C'est trop fort!*⁴ — как сказал Гизо Виктору Гюго, когда он встретил его первый раз в Академии после приговора, произнесенного над его сыном. Да, это *слишком!* и мне душевно жаль, что беспристрастный и учено-литературный московский журнал не изъят *<sic>* общечеловеческой слабости самодовольно указывать на темные стороны других, нисколько не замечая своих собственных.

³ Боги Греции (нем.).

⁴ Это уж слишком! (франц.).

Все это было бы смешно,
Когда бы не было так... скучно...

И потому я перейду к более забавному. Молодая редакция «Москвитянина» изобрела новое слово *свищ* и прибавляет притом, что это слово не совсем учтивое. Разбирая «*Антонину*» г-жи Тур, молодая редакция говорит:

Антонина *страждет недугом* многих очень даровитых и умных женских натур — любовью к людям, которых *назовешь всегда поневоле* не совсем учтивым именем *свищей*. Да простят нам это *странное название*, мы не знаем другого, которое бы *вернее* определило натуру Славина (в повести «Ошибка») или Мишеля (в «*Антонине*») («*Москвитянин*» № 11, стр. 325.)

Почему Славин и Мишель *свищи* и почему это странное, не совсем учтивое и — я прибавлю от себя — непонятное название *вернее*, нежели какое-либо другое слово определяет натуру этих людей? Правда, Славин и Мишель — люди поверхностные, обыкновенные, не герои; но они люди *светские*, порядочные, и ничего нет удивительного, что они умеют возбуждать *недуг* в даровитых, умных и притом также *светских* женщинах. Не влюбляться же им непременно в людей с глубокими натурами, в ученых и литераторов; да и притом, разве можно указать место сердцу женщины,

Примолвя: тут остановись?

К довольно забавным статейкам в «*Москвитянин*», если бы только они не были слишком длинны, принадлежат статейки моего литературного фаворита, фельетониста, состоящего при молодой редакции, *Эраста Благодрава*. Он уж очень напрыгает и растягивает свое остроумие в своих «*Снах*»; которые, как все сны, не очень складны и не совсем понятны. «*Сны*» эти, кажется, пишутся для прославления одной комедии, которая, в самом деле, принадлежит к замечательным произведениям русской литературы и вовсе не нуждается в такого рода сонных панегириках. «*Сны*» г. Эраста Благодрава принадлежат собственно к остроумному отделу *финтифлюшек*, изобретенному издателем «*Пантеона*»; а главное достоинство финтифлюшек вообще заключается в краткости... Впрочем, со временем, когда фаворит мой приобретет поболее опытности, он, может быть, станет составлять очень удачные финтифлюшки. Письмо его в 12 № «*Москвитянина*» по поводу «*Сна*» уже гораздо удачнее самого «*Сна*», помещенного в 11 №. Оно доставило мне большое удовольствие. Эраст Благодрав в этом письме воюет с какими-то призраками, размахивает своим перышком, старается уверить, что у него много врагов, что к его статьям обнаруживают презрение (кто?), что от них падают какие-то литераторы в обморок, что о них говорит вся Москва, что *Новый Поэт* принял его вызов и счел священной (?) обязанностью отвечать ему, что *Новый Поэт* отделяется от него шутками, что каким-то корреспондентам «*Современника*» *облыжно* (это слово не совсем прилично) донесли, будто бы он состоит фельетонистом при молодой редакции... Все это не более как тревожный, беспокойный сон, который мой остроумный фаворит принимает за действительность и в волнении восклицает: «Кто же это *Новый Поэт*! спрашиваю: кто пишет под именем *Нового Поэта*? Лучше признайтесь».

Когда этот тяжелый *Сон* исчезнет, — автор «*Снов*» убедится, что у него нет никаких врагов ни в Петербурге, ни в Москве и что я, *Новый Поэт*, смотрю на него с участием, с умилением и с любовью и от всей души желаю ему успехов на фельетонном поприще; только советую одно: писать покороче.

И. И. Панаев

Заметки Нового Поэта о русской журналистике. Июнь 1851

Впервые: С. 1851. № 7. Отд. VI. Современные заметки. С. 35–49. Публикуемый фрагмент — с. 35–39, 41–45. Без подписи. Цензурное разрешение — 30.06.1851. Цензор А. Л. Крылов.

Не переиздавалось, за исключением стихотворения «Весеннее чувство», которое републиковано в «Собрании стихотворений Нового Поэта» (СПб., 1855. С. 73), «Сочинениях» Панаева (СПб., 1889. Т. 5–6. С. 47) и в издании «Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX в.)» (Л., 1960. С. 482. («Библиотека поэта». Большая серия)).

Фельетон продолжает полемику предыдущего письма Панаева (С. 1851. № 6) и посвящен уже не общетеоретическому спору по эстетическим вопросам (хотя они присутствуют в тексте), но отражению частных упреков «Москвитянина» и критике отдельных высказываний «молодой редакции» о ценимых и близких ей авторах — Е. Ростопчиной, К. Павловой, Ф. Глинке, Е. Тур. Соглашаясь с невысокой оценкой всех этих поэтов в предшествовавшей критике «Современника» (в первую очередь в рецензии Некрасова), Панаев в фельетонной форме обыгрывал недостатки их поэзии, в том числе сочинив пародию «Весеннее чувство» на стихотворения Ростопчиной. Используя разные приемы полемики (пародирование, стилизация манеры статей Григорьева и Эдельсона, прямые выпады, намеки), Панаев завершал «москвитянинскую» часть своих заметок очередным выпадом в адрес Алмазова и серии его фельетонов Эраста Благодурова, по сути являвшихся продолжением «Сна по случаю одной комедии».

С. 147. ...критик, разбиравший в «Современнике» драматический этюд г. Островского, помещенный в «Комете»... — Панаев обыгрывает дружеские отношения с каким-то другим критиком «Современника» (вероятно, Н. А. Некрасовым; о возможной атрибуции ему рецензии на «Комету» см. коммент. к статье в наст. изд., с. 614–615).

С. 147. ...теорию художественности и искренности... — См. вступительную статью к наст. изд., с. 19.

С. 147. ...подписываются буквы Г., Е., О. и У. — Статьи критиков «молодой редакции» «Москвитянина» подписывались литеррами Г. — Григорьев, Е. или Э. — Эдельсон, О. — Островский, У. — неидентифицированный псевдоним, которым подписана статья «Еще о “Комете”» (М. 1851. № 11–12. С. 339–340).

С. 147. С кого они портреты пишут? / Где разговоры эти слышат? — Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Журналист, читатель и писатель» (1840).

С. 148. Довольно привести в столкновение два таких характера, как Лиловый и Пюсовый, которым приличны будут те душевные движения и те отношения... — Пародия на стиль и терминологию рассуждений Эдельсона о структуре характера в комедии. Ср.: в обзоре «Отечественных записок»: «Уже в самих характерах <...> лежит зародыш комедии; но когда характеры эти задумаются в известном столкновении или под влиянием известных обстоятельств, тогда содержание комедии определится еще более...» (М. 1851. № 5. С. 67).

С. 148. Эти господа составляют мой кружок ~ подписывают под статьями своими различные буквы: И., Т., Ф., Ы. ... — Намек на редакцию «Москвитянина» и «Современника» (неизвестность настоящих имен членов первой и относительную «прозрачность» в указаниях авторства второй). И. Т. — подпись И. С. Тургенева под рецензией на роман Е. Тур «Племянница» (С. 1852. № 1).

С. 149. Не угодно ли вам будет скушать? Это настоящий королек-с. — Сорт апельсинов с красной мякотью.

С. 149. Весеннее чувство. — Пародия на стихотворение Ростопчиной «Весенний гимн» (М. 1851. № 9. С. 50; см.: Ямпольский И. Г. Поэты и прозаики: Статьи о русских писателях XIX — начала XX века. Л., 1986. С. 48).

С. 150. ...стихотворение «Весенний гимн» ~ совершенно походят на мое «Весеннее чувство»... — Шутливое передергивание фактов: пародия Панаева написана после выхода стихотворения Ростопчиной.

С. 150. ...в 11 № того же журнала объясняется значение «Неожиданного случая» ~ критику «Современника»... — Имеется в виду статья Е. Н. Эдельсона «“Неожиданный случай”». Драматический этюд Островского» (М. 1851. № 11. С. 333–337).

С. 150. В 11 №, при разборе «Кометы», старая редакция ~ удостоивает похвалы г. Тургенева и г-жу Евгению Тур. — В сноске на с. 326 № 11 «Москвитянина» за 1851 г. редактор Погодин, комментируя разбор повестей Е. Тур Григорьева, одобрил лишь ее повесть «Антонина», считая ее лучшим из всех сочинений писательницы. В другой сноске на с. 329–330 Погодин аналогичным образом высказал свое мнение о Тургеневе, выделяя из всего корпуса его текстов лишь рассказы «Записок охотника» и «Разговор на большой дороге» как безусловно достойные читательского внимания.

С. 150. ...но с какой же точки зрения смотрит редакция ~ на сочинения, например, г-жи Павловой? — Панаев имеет в виду и цитирует рецензию М. А. Дмитриева (подпись: Л. Л.) на сборник «Раут» в «Москвитянине» (1851. № 9–10. С. 152–161). Приводимая цитата — на с. 157. Далее Панаев выделяет курсивом цитаты из этой рецензии «Москвитянина».

С. 150. ...«Рассказа Лизы», напечатанного в «Рауте»... — «Рассказ Лизы» (входящий в поэму «Кадриль») К. К. Павловой напечатан в сборнике Н. В. Сушкова «Раут» (М., 1851).

С. 151. «Рассказ Лизы» написан пятистопным хореем... — Пятистопный хорей, в самом деле, принадлежит к числу не самых распространенных в середине XIX в. размеров, ярким и влиятельным образцом которого стало стихотворение М. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» (опубл. 1843). Панаев имеет в виду и свою пародию на «Рассказ Лизы» — стихотворение «Мое разочарование» (С. 1851. № 5. В составе рецензии Некрасова на сборник «Раут»). Подробнее о семантическом ореоле размера см.: Гаспаров М. Л. Метр и смысл: Об одном из механизмов культурной памяти. М., 1999. Гл. 10.

С. 151. ...им писаны «Die Götter Griechenlandes» Шиллера. — Стихотворение Ф. Шиллера (1788) «Боги Греции» также написано пятистопным хореем (ср. тот же размер в позднем рус. переводе А. А. Фета 1878 г.).

С. 151. ...музыкальность (не в «Рассказе ли Лизы»? см. «Библиографию» V книжки «Современника»). — Панаев ссылается на критический отзыв Некрасова на «Рассказ Лизы» Павловой (С. 1851. № 5; Некрасов. Т. 11. Кн. 2. С. 68–77), в котором версификационные свойства этого текста Павловой оценивались весьма низко, а сама поэтесса — как не оправдавшая ожиданий

критиков. В рецензии Некрасова описано, как Новый Поэт, услышав «Рассказ Лизы», тут же сочиняет на него пародию «Мое разочарование».

С. 151. ...и стих, и смелое созвучье / В ущерб другим даны?.. — Строки из пародии Нового Поэта «Отрывок» (Собр. стих. Нового Поэта. СПб., 1855. С. 37–38) на стихотворение К. Павловой «Три души» (1845).

С. 151. А отзыв о сотруднике «Москвитянина» г. Ф. Глинке ~ живопись, свежесть и прибавляет, что всем (?) известна сила его музы! — Имеется в виду похвальный отзыв М. А. Дмитриева о поэзии Ф. Н. Глинки в рецензии на сборник «Раут»: «Хороши также стихи Ф. Н. Глинки “Ма-стерская Брюллова”. Его живопись, его свежесть; но в стихах нет целой, оконченной идеи: впрочем, это недостаток сюжета, а не автора, которого нельзя упрекнуть в слабости искусства; всем известны сила и роскошь его Музы!» (М. 1851. № 9–10. С. 160). В данном случае Панаев косвенно отвечает также на статью Островского о «Тюфяке» Писемского, в которой защищается мнение «москвитянинцев» о допустимости разбора произведений сотрудников своего же журнала. По Островскому, нюансы журнальной борьбы не должны мешать критику в его стремлении к дорословскому разбору художественного произведения.

С. 151. C'est trop fort! — как сказал Гизо Виктору Гюго ~ после приговора, произнесенного над его сыном. — Речь идет о процессе над сыном писателя В. Гюго Шарлем, который весной 1851 г. был привлечен к суду и обвинен в неуважении к законам республики за публикацию в газете «L'Événement» статьи о казни браконьера. Франсуа Гизо (Guizot, 1787–1874) — историк, политический деятель, писатель. Панаев мог почерпнуть информацию о процессе сына Гюго, например, из журнала «Revue Suisse et chronique littéraire», где в хронике событий за июнь 1851 г. была перепечатана (наверняка из французских газет) фраза Гизо: «On a généralement trouvé cela énorme, on en a été surpris péniblement. M. Guizot, rencontrant à l'Académie M. Victor Hugo, le père du jeune écrivain, se serait même avancé vers lui avec empressement, et, lui prenant les mains, lui aurait dit: — Ah! Monsieur, c'est trop fort!» (Vol. 14. P. 427; перевод: «Все были потрясены этим и ужасно удивлены. Г-н Гизо, встретив в Академии г-на Виктора Гюго, отца молодого писателя, поспешно устремился к нему и, взяв за руки, сказал ему: “Ах, месье, это уж слишком!”»).

С. 152. Все это было бы смешно, / Когда бы не было так... скучно... — Неточная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «А. О. Смирновой» (1840, у Лермонтова «когда бы не было так грустно»).

С. 152. Молодая редакция «Москвитянина» избрела новое слово свищ ~ (Москвитянин № 11. стр. 325.). — На 325 с. № 11 «Москвитянина» Григорьев лишь повторял ранее придуманную им характеристику для подобного типа пустых и ничтожных героев (см.: Г<ригорьев А.> «Пантеон и репертуар русской сцены». 1851. № 1. Январь // М. 1851. № 6. С. 272). Реагируя на этот упрек Панаева, Григорьев посмеялся над его незнанием слова «свищ», обозначающего «гнилой орех» (М. 1851. № 15. С. 344). Спор о слове «свищ» отразился также в статье «Русская литература в 1851 году» (наст. изд., с. 208).

С. 152. Примолвля: тут остановись? — Цитата из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» (1824).

С. 152. ...растягивает свое остроумие в своих «Снах»... — Имеется в виду «Предупреждение» и «Сон по случаю одной комедии» (см. наст. изд.)

С. 152. ...пишутся для прославления одной комедии... — Комедии Островского «Свои люди — сочтемся!».

С. 152. ...остроумному отделу ф и н т и ф л ю ш е к, изобретенному издателем «Пантеона»... — В отделе «Юмористика» журнала «Пантеон», издававшегося Ф. А. Кони, в 1850 г. печатались юмористические куплеты, заканчивавшиеся рефреном «Это значит финтифлюшки / Финтифлюшки — финтифлю». См. об этом фельетон А. В. Дружинина (С. 1850. № 6. Отд. VI. С. 79–80).

С. 152. Письмо его в 12 № Москвитянина по поводу Сна... — Имеется в виду «Письмо Эраста Благонравова», в котором Алмазов в той же иронической и фельетонной манере описывал свалившуюся на Благонравова славу после успеха «Сна».